Он был не столько почетным гостем, сколько почетным узником. Иеремии со свитой разрешили выехать в Царьград только в конце мая 1589 г., после почти годичного житья в Москве (разумеется, Иеремия получил громадное «жалованье» деньгами, мягкой рухлядью и т. п.).

Самое любопытное, что решительных или хотя бы заметных перемен в положении русской поместной церкви после учреждения патриаршества не наступило. Формально она превратилась в автокефальную, независимую от Константинополя, но на деле эта независимость была достигнута еще в XV в., когда митрополит Иона был поставлен собором русских епископов. В таком случае, ради чего тратили силы и средства, ради чего обхаживали, запугивали и подкупали Иеремию? Не ради церкви и архипастыря, а ради царства и царя. Иов пишет, что «великого патриаршества сан» — это почетный дар, поднесенный Иеремией благоверному государю! Всё решали политические, имперские амбиции. «Третьему Риму», последнему православному царству неприлично обходиться без патриарха, и неприличие было устранено — при том, что преобладание монаршей власти над святительской нимало не поколебалось.

Соперничества между ними при первом царе из дома Романовых не было и быть не могло. Во-первых, во главе церкви волею судеб оказался его отец, патриарх Филарет. Во-вторых, в разоренной, чудом сохранившей самое существование стране было не до диспутов о монаршем богоподобии. Впрочем, Романовы на него и не претендовали (отметим отказ — раз и навсегда — от предсмертного пострига). Конфликт обозначился только к середине XVII столетия, когда были изжиты и забыты бедствия Смуты, а престол занял царь Алексей Михайлович.

Этот конфликт обычно изображается как персональный, как столкновение двух независимых умов и сильных характеров — Никона и царя Алексея. На самом деле все гораздо сложнее. Конфликт начался раньше, еще до того, как юный государь сблизился с Никоном. Он был монах, а распрю внутри церкви начали протопопы, возглавлявшие белое духовенство. Это был бунт против архиереев, и бунт, поддерживаемый дворцом, самим царем и его духовником Стефаном Вонифатьевым. Причины были не только в кризисе самой церкви, но и в распадении всей старинной системы духовной терапии, духовного руководства.

Дело в том, что древнерусского человека нельзя представлять себе только в качестве прихожанина. Наряду с этой функцией он выполнял и функцию духовного чада. Общеизвестно, что Русь состояла не только из семей кровных, но также из семей духовных: люди обоего пола, достигнув определенного возраста, выбирали себе духовника.[12] Но вот на что не обращалось внимания: институт духовного отцовства был вполне автономным институтом.

---

[12] См. об этом: *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 25 и след. Здесь же — и литература предмета.